

УДК 55 (09)

ПАМЯТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ

Ю.М.ПУЩАРОВСКИЙ

*Геологический институт РАН, группа «Тектоника океанов»,
г. Москва, Россия*

АННОТАЦИЯ. Автор рассказывает о своей службе в период Великой Отечественной войны на Северо-Западном, 4-м Украинском, 2-м Белорусском фронтах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пехота, госпиталь, авиация, победа.

Всякий уважающий себя мемуарист раньше, чем писать о фронтовых делах, изучил бы имеющиеся у него пачки писем. Я не имею возможности сейчас этим заняться, хотя архив военных времен у меня сохранился. Буду писать об эпизодах, больше запомнившихся.

Начал я военную службу, будучи очень мало к ней подготовленным. Мой университетский выпуск был уникальным в том смысле, что у нас не было военных лагерей, поэтому к 1941 г. не было ни военных навыков, ни знаний.

В 1941 г., когда фашистская Германия напала на Советский Союз, я был студентом 4-го курса геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. День нападения гитлеровских войск, 22-го июня, я встретил на западной границе страны, на левобережье р. Прут, будучи прорабом одной из партий геологической экспедиции треста «Спецгео», куда был направлен для прохождения очередной практики по специальности. Граница СССР шла по р. Прут, до которого от места нашего базирования было несколько километров, а в тылу находился г. Черновцы. Нам повезло в том отношении, что немцы наступали не на нашем участке, а перешли р. Прут в нескольких десятках километров выше и ниже по течению.

Ночью мы проснулись от грохота. Это шли наши танки в сторону границы. Часов в 5 утра 23 июня мы с главным геологом экспедиции Соболевым пошли к границе все же спросить у военных, что нам делать. В царившей суматохе трудно было найти кого-нибудь из начальства, но встретившийся нам капитан-танкист, которого сопровождал автоматчик, сказал, чтобы мы уезжали незамедлительно. Однако это удалось осуществить только через несколько дней, так как из Москвы на наши запросы о том, что нам делать, долго не отвечали. В экспедиции было несколько автомашин, и вскоре мы уже выехали в Черновцы, от которых были в не-

скольких десятках километров. Признаки войны обнаружили сразу же: поломанные телеграфные столбы и порванные провода, воронки по обочинам дороги, дым впереди... На Черновцы уже был налет вражеской авиации, и множество самолетов на аэродроме сгорело. Не останавливаясь в городе, мы сразу поехали в Хотин и там, ожидая команды из Москвы, жили дней семь в палатках. В конце концов пришло указание возвращаться в Москву. Тут я и смог увидеть (а сидел я в открытом кузове полуторки) и нескончаемые потоки транспорта в сторону от фронта, и дорожные пробки, и взрывы бомб, сброшенных с «юнкеров», летавших прямо над головами, и горящие поля пшеницы, и блуждающий скот, и кучи горячей колхозной техники. Каждый раз, когда «юнкеры» сбрасывали бомбы на дорогу, мы прятались в кювете.

Северо-Западный фронт,
7-й район авиабазирова-
ния 6-й Воздушной
армии, 1942 г.

20 июля мы, наконец, прибыли в Москву, и я сразу же отправился в университет и записался добровольцем в армию. 24 июля короткоостриженный, с бритвой, мылом, а также томиком Блока я уже был в палаточном лагере в Кубинке, километрах в 60 к западу от Москвы, где находились летние лагеря Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Я попал в училище при этой академии. Немногим более чем через полтора месяца, 11 сентября, прямо с полевых занятий, бегом мы прибыли в лагерь. Нас построили и объявили, что «хватит учиться, нужно идти воевать».

В г. Валдае меня направили в 4-ю роту 945-го стрелкового полка 362-й дивизии. Это был Северо-Западный фронт. Мое служебное положение определялось как «исполняющий обязанности политрука». Я был «и.о.», потому что после выпуска из училища коммунистам давали звание политрука, а комсомольцам – замполита (эквивалент старшины), а я был комсомольцем. В основном 4-я рота состояла из бойцов запаса, прибывших из Горького (ныне Нижний Новгород) и вооруженных винтовками (в том числе учебными). Противник был совсем рядом и время от времени постреливал. У меня в роте не было пулемета, потом я его раздобыл. Стрелять взялся какой-то боец, у которого пулемет неожиданно выстрелил и

пробил коленную чашечку у комсорга полка. Вот так начиналась для меня война.

Стояли мы в лесу, за которым простиралось поле, дальше была д. Кириловщина. Было приказано наступать на эту деревню, но приходилось передвигаться по-пластунски, потому что поле постоянно обстреливалось немцами из минометов, да и их пулеметы не умолкали. Спасали нас огромные валдайские валуны, которыми было усыпано поле. За ними можно было укрыться. Свист мин у меня до сих пор стоит в ушах. Деревню взять не удалось, и вечером мы отошли в свои окопы. Вернулись не все.

Осень выдалась холодная. Утром, по холодку, нам выдавали знаменитые 100 г, которые я отдавал командиру роты, шахтеру из Донбасса (водку, да и вино, я тогда не пил). И вот наступило утро 24 сентября. Поступил приказ – выйти на опушку леса, окопаться и ждать сигнальной ракеты, чтобы начать атаку. Вдруг взметнулась ракета, затем другая. Это были, как я понял позже, немецкие ракеты. Послышалась где-то рядом стрельба. И вдруг я увидел перед собой немецкого солдата, который, приставив автомат к животу, поливал пулями все вокруг. Ударяясь о дерево, под которым я залег, пули рвались. Но не от пуль я пострадал, а от гранатных осколков. Не успев ничего предпринять, я обнаружил, что окровавлен. Как уцелел при этом, не могу даже представить. Ведь немецкий солдат был не больше чем в 10 метрах от меня. Ранение было в голову. Мою жизнь спасла каска, которую я нашел раньше на месте боев. Затем произошло какое-то чудо: я встал во весь рост и пошел в сторону перевязочного пункта, но не дошел. Доставили меня в медпункт на носилках. Перевязали голову и отправили вместе с большим числом раненых, в том числе командиром батальона, в тыл, сначала в Рыбинск, а затем в Ярославль. В госпитале я находился в Сарапуле (ныне Ижевске) – столице Удмуртии. Лечил меня детский врач-эстонец. Однако он сумел извлечь из черепа несколько осколков. Больше трех месяцев пролежал я в госпитале, а после выписки из госпиталя 2 января 1942 г. вновь отправился на Северо-Западный фронт.

Будучи проездом в Москве, зашел, конечно, в университет, где мне в связи с тем, что я фронтовик, выдали диплом об окончании, хотя я проучился только 4 курса. Что я не доучился, не замечал никто, ни тогда, ни потом, а мне диплом после войны очень и очень пригодился.

Вернулся я снова на Северо-Западный фронт, но попал уже не в пехоту, а в 7-й район авиабазирования, в 3-ю комендатуру, в подразделение по обеспечению боевой авиации горючими и смазочными материалами. С этого момента начался для меня совершенно другой, совсем незнакомый поначалу и оказавшийся интересным, по существу, этап военной биографии. С пехотой было покончено, началась авиация.

Раннее морозное утро зимой 1942 г. Обегая стоянки самолетов по краю взлетного поля. Организую заправку маслом и бензином. Аэродром, в который превращено обычное поле, совсем недалеко от линии фронта. За горючим часто приходится ездить самому на армейский склад. Немцы видят дорогу с воздуха и бомбят. Однажды бомба разорвалась на дороге совсем близко перед нашей бензоцистерной, но все обошлось.

Комендатура – это маленький форпост, где мы жили с начальником вдвоем, в землянке. Но потом меня повысили в должности и произвели в начальники службы горюче-смазочных материалов 686-го батальона аэродромного обслуживания входившего в 7-й район авиабазирования 6-й Воздушной армии. К тому времени я уже освоил не только снабжение, но и применение горюче-смазочных материалов в авиации. Служил верой и правдой. Как и все фронтовики, делал все, что мог. В 1943 г. получил медаль «За боевые заслуги», очень радовался этой награде. В том же году мне присвоили первое офицерское звание – младший техник-лейтенант.

Однажды летом 1943 г., когда наш батальон стоял в районе д. Мерлюгино, из штаба фронта к нам прилетел инженер-майор инспектировать «мою епархию» – службу горюче-смазочных материалов. После моего доклада инспектор осмотрел «хозяйство», и я пригласил его в наше походное жилище. В нем стоял сбитый кое-как столик, а на столике лежала книга Ю.А. Жемчужникова (кажется, «Косая слоистость»). Из-за множества дел я ее почти не читал, но с собой возил. Увидев книгу, мой инспектор чрезвычайно оживился. Слово за слово, и тут оказалось, что майор по гражданской специальности геолог-нефтяник, кандидат геолого-минералогических наук и москвич. С тех пор он не один раз прилетал меня навещать – инспектировать, и мы стали добрыми друзьями на всю жизнь. Инспектором оказался будущий академик Юрий Александрович Косыгин.

Судьбе было угодно, чтобы спустя несколько лет, в марте 1946 г., когда я оформлялся на работу в Институт геологических наук АН СССР, именно он, заменявший тогда заведующего отделом тектоники Н. С. Шатского, бывшего в отпуске, завизировал мое заявление о зачислении.

Фронт на северо-западе стабилизировался очень рано, пожалуй, в сентябре 1941 г. Так что ни в том, первом, году войны, ни позже мне отступить не пришлось. Пожалуй, в этом смысле мы были редким исключением. Наши армии откатились до Сталинграда, а мы за все эти годы своих позиций не оставили.

Рисковых ситуаций было множество, но все как-то обходилось. Освоил дело настолько, что оно стало своим. На боевые задания самолеты летали днем и ночью, нанося по вражеским объектам чувствительные удары, особенно в прифронтовой полосе. Поразительно, но о потерях с нашей стороны я слышал очень редко. Летали пикирующие бомбардировщики (Пе-2), штурмовики (Ил-2), истребители (Як, МиГ), иногда тяжелые бомбардировщики (Тб-3), ну и, конечно, У-2, с подвесными 100-килограммовыми бомбами. Военный эффект их был очень высоким, особенно в ночное время. Мне довелось служить на прифронтовых аэродромах.

Решение оперативных задач требовало использования самолета, и мне выделялся У-2. Летчик Насипян обычно вел машину очень низко, чтобы уберечься от обстрела истребителями противника. Все же иногда нас замечали, и тут ему приходилось пускаться на разные хитрости. Это ему удавалось, и с нами ни разу ничего не случилось. Я всегда преклонялся перед столь отважной профессией, как военный летчик. Потерь самолетов у нас было немного, сейчас мне о них даже вспомнить трудно. Не раз пилот, только что вернувшийся с задания, в унтах и шлеме входил в шатер, где приезжие артисты давали концерт. Кино и концерты любили все. Только я не очень интересовался кино, как, впрочем, и теперь. Не знаю почему. А надо бы, чтобы я его любил: однажды кино спасло мне жизнь. Это было в конце февраля 1944 г. 6-ю Воздушную армию перебрасывали на 4-й Украинский фронт. Эшелон сформировали в Крестцах, но почему-то не отправили, и надо было там переночевать. Поставили вдоль железнодорожного полотна большие палатки. Под вечер кто-то сообщил, что в соседней деревне, километрах в трех, будет кино «Леди

Северо-Западный фронт,
1942 г. Справа –
Ю.М. Пуцаровский,
в центре Г.В. Нестеров.

Гамильтон». Пошли все, кроме старшины Алексеенко, который ходил в унтах, а тут путь был все-таки далеким. Вдруг в середине сеанса мы услышали взрывы. Это рвались боеприпасы на станции, был очередной налет немецкой авиации. Забеспокоившись, в ускоренном темпе двинулись к станции, чужая недоброе. Одна из бомб попала в нашу палатку и старшина Алексеенко погиб. Искал я его ползком, так как иногда взрывались ящики с боеприпасами, нашел, мы минут сорок делали искусственное дыхание, но это не помогло, он уже не дышал. Утром, пока поезд еще не подали, с горечью похоронили своего товарища на кладбище, которое было недалеко от станции.

В 1943 г. моя семья вернулась из эвакуации, и я был счастлив иногда ездить в командировки в Москву. Моим начальником был инженер-майор Г.В. Нестеров — человек малокультурный, часто вздорный. Но меня он не притеснял, уважал и способствовал назначению в 1944 г. начальником ГСМ всего района авиабазирования.

Моим истинным другом на Северо-Западном фронте был кадровый офицер, инженер-капитан Борис Львович Рабинович. Именно он занимал должность начальника ГСМ 7-го района авиабазирования до меня, но потом у него произошла какая-то неприятность и его перевели на другое место службы. Это был очень живой, остроумный, подвижный человек. Мы быстро нашли общий язык и, когда было время, придумывали себе развлечения в виде игр в слова и т.п. Борис Львович многому меня научил по службе, ценил мою энергию и стеной встал, когда меня хотели снова направить в пехоту. Впрочем, в ту пору я еще не восстановился после тяжелого ранения.

На войне как на войне – и мне не раз при-

ходилось видеть воздушные бои. Дрались насмерть, с захватывающими дух воздушными бросками, увертливостью. Все мы на земле были напряжены до крайности. Ждали победы нашего пилота, и ее приходилось видеть много раз. Фашистский самолет загорался, окутывался дымом, резко снижался и затем исчезал из поля зрения. Однажды я наблюдал, как был сбит бомбардировщик «юнкерс». Пилотам удалось посадить самолет, и три летчика попали к нам в плен. Рослые детины, без шлемов, в летной форме со свастикой медленно, враскачку шагали, куда им указывали, держались вызывающе и нагло. Это были еще не те обшарпанные гитлеровцы, десятки тысяч которых потом провели через всю Москву (я их тоже однажды видел, будучи в командировке).

Немцы летали и бомбили каждую ночь. Человеку, особенно молодому, обычно свойственно быстро свыкаться с обстановкой. Сначала мы спали не только в одежде, но и в сапогах и по тревоге укрывались в узких траншеях, вырытых в огороде. Потом стали снимать сапоги и по возможности раздеваться. А затем некоторые, в том числе и я, вообще перестали бегать в траншеи.

В апреле 1943 г. в очередной раз случай спас меня от верной гибели. Однажды из-за распутицы я принужден был целую ночь провести на железнодорожной станции, где организовывал слив и транспортировку горючего. Из грязи истерзанные бензоцистерны помогал вытаскивать трактор. Конечно, бомбили и в эту ночь. Утром, когда я вернулся на свою улицу, то увидел, что моего дома нет. Он превратился в развалину от прямого попадания бомбы. Из своего более чем скромного имущества я спас только знаки отличия, оторвав их от обгоревшей шинели.

Хоть и боевые были времена, но иногда удавалось читать, и сам я писал стихи. Они целы и записаны в особую тетрадку. Некоторые из них помню и теперь, т.е. почти 50 лет спустя. Стихи посылал домой в виде писем-треугольников.

Итак, два с половиной года войны связаны у меня с Северо-Западным фронтом. Если эти годы мы простояли почти на одном месте, то в 1944 г. уже наступали. Армия та же (6-я Воздушная), а фронты – 4-й Украинский и 2-й Белорусский. Как и все, я получил несколько благодарственных грамот от Верховного Главнокомандующего за взятие городов Ковель, Сарны, Хелм, Дем-